
ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КAVKAZA В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ: ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ

А.А. Грабельников, Е.К. Рева

Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются жанровые ресурсы интервью в раскрытии способов репрезентации национальной чеченской культуры, акцентируется образ респондента как носителя культурных ценностей своего народа.

Ключевые слова: журналистика, жанр интервью, национальная культура, образ респондента.

Жанр в журналистике представляет собой концептуально значимую категорию: жанровой формой и жанровым содержанием обуславливается не только способ реализации фактического материала, но и роль журналиста, степень проявления его авторского видения жизни и человека. Жанровая структура организует материал таким образом, что он может быть представлен фактически (в событийном ключе), аналитически или художественно. Жанровый подход к изучению национальной культуры в средствах массовой информации дает возможность проследить динамику проникновения ее элементов в те или иные структуры публикуемого текста, а также выявить особенности интерпретации этнокультуры в журналистике. Более того, исследование жанра в свете проблемы национальной культуры позволяет проанализировать полноту ее характеристики, определить эстетическую значимость компонентов этой характеристики в тексте и приемы воздействия публикации на массовую аудиторию, содействуя формированию в ее сознании «портрета» нации.

При рассмотрении национального вопроса, который является дискуссионным в современном обществе и журналистике в частности, особую роль приобретает жанр интервью, в основе которого заложен психологический вербально-коммуникативный подход. Интервью имеет возможность раскрыть образ собеседника с разных ракурсов: выйти за пределы профессиональной деятельности респондента, показав другие стороны жизни, характера, образа мыслей человека. Так, профессор В.И. Антонова отмечает, что жанр интервью «позволяет охарактеризовать внутренний мир человека, его убеждения, привычки» [1. С. 27]. Эта жанровая особенность интервью, а также получение сведений из «первых уст», что повышает степень достоверности информации, производит эффект открытости собеседника, имеет уникальную возможность формировать или менять уже сложившееся ранее мнение и отношение аудитории к главному герою диалога. Указанный аспект очень важен в межнациональном дискурсе, поскольку неоднозначное отношение к другим этническим общностям обусловлено не только историческими,

политическими, идеологическими взаимодействиями, носящими, как правило, конфликтный характер, но и незнанием специфики культур народонаселения Российской Федерации. Кроме того, интервью в системе журналистских жанров отводится особая роль в аспекте репрезентации национальных культурных ценностей. Форма беседы не ограничивает рассмотрение этнокультуры только констатацией фактов о жизни конкретного этноса, но позволяет увидеть его представителя (респондента), который вызывает у аудитории сильную ассоциативную связь: герой интервью — это, прежде всего, носитель национальной и религиозной культуры своего народа. По справедливому замечанию Е.П. Прохорова, цель культуроформирующей функции журналистики — «обогатить внутренний мир человека как самоценной личности». В современной информационной среде жанр интервью активизирует процесс «осмысления и интериоризации» [5. С. 78] культурных ценностей того или иного этноса, включает их в личностный мир потребителя информации, приближает его к пониманию этнокультуры, что нередко делает позицию человека более толерантной.

Данное автором учебного пособия «Технология интервью» М.М. Лукиной определение жанра интервью обуславливает причину, почему, говоря о проблеме репрезентации национальных культурных ценностей народов Северного Кавказа, мы и обращаемся к этому жанру журналистики. «Интервью — это межличностное вербальное общение для получения информации и производства нового знания в целях удовлетворения информационных потребностей общества», — пишет она, акцентируя принцип получения посредством интервью нового знания о событии, явлении или человеке [4. С. 13]. Именно *новое знание* необходимо сейчас обществу для составления образа нации, свободного от стереотипов, предрассудков. Под понятием «новое знание» мы подразумеваем те факты об истории, религии и культуре народов Северного Кавказа, которые в средствах массовой информации не всегда доминируют, поглощаясь негативными сведениями о происходящем в этом регионе либо о происшествиях с участием кавказцев. В решении проблемы репрезентации журналистикой этнокультурных ценностей интервью отводится значимая роль, поскольку «изложение фактов, высказывание о событиях ведется от имени человека, которого интервьюируют» [2. С. 218—219]. В интервью непосредственно его герой репрезентирует культуру народа, представителем которого он является. Но полнота этнокартины, представленной интервьюируемым, зависит в первую очередь от той жанровой разновидности, в которой работает журналист, так как именно формообразующий принцип обуславливает особенности поведения журналиста и собеседника. В этой связи обратимся к существующим классификациям жанра интервью с тем, чтобы выявить те формообразующие признаки, которые наиболее эффективно реализуют принцип репрезентации национальной культуры.

Например, А.А. Тертычный различает информационный и аналитический виды интервью [8]. Такие разновидности жанра, как интервью-монолог, интервью-беседа, интервью-полилог, подробно рассматривает В.И. Антонова [1]. Более детализированная видовая классификация представлена в уже упомянутом нами

учебном пособии М.М. Лукиной [4]. Автор предлагает характеристики информационного, оперативного, креативного интервью, интервью-расследования, интервью-портрета.

Интервью в различных его вариациях — особенно востребованный журналистами и аудиторией жанр, довольно часто встречающийся в периодической печати. В настоящей статье в аспекте роли жанра интервью в раскрытии образа респондента как носителя национальных культурных ценностей мы сосредотачиваем внимание на интервью-портрете. Во-первых, это один из наиболее функциональных разновидностей жанра. Во-вторых, посредством этого вида интервью наиболее полно репрезентируется этнокультурная основа жизни народов Северного Кавказа: интервью-портрет предполагает сосредоточение внимания на одном герое, конструктами образа которого в данном виде являются детали быта, интерьера, специфика речевого поведения респондента. При этом перечисленные составляющие в значительной мере обусловлены национальной культурой, которую представляет и олицетворяет собеседник, а значит, эта разновидность интервью способствует раскрытию образа представителя народа как носителя его национально-культурных ценностей.

В интервью Р.А. Кадырова авторитетным мастерам этого жанра Игорю Свиаренко («Вайнах и мир» — «Российская газета» (2009)) и Павлу Шеремету («Я слуга Всевышнего, я раб Всевышнего» — журнал «Огонек» (2010)) этнокультурная проблематика вводится в контекст разговора опосредованно, журналисты обеих публикаций акцентируют прежде всего военно-политическую ситуацию в Чеченской Республике, о чем заявляется в подводке к диалогам: «Чечня сегодня в центре внимания. Руководство этой некогда мятежной республики настаивает на том, что военное прошлое полностью преодолено и статус Чечни пора менять, а ее опыт заслуживает того, чтоб его широко перенимать в других регионах РФ» (и далее очерчивается круг обсуждаемых в интервью вопросов: «О смысле происходящего, о настроениях и обычаях чеченцев, о прошлых войнах...») [6. С. 6], «Глава Чечни Рамзан Кадыров пояснил журналисту „Огонька“, как он хочет доказать всему миру, что чеченцы самый миролюбивый народ, и почему изменил название своей должности» [9. С. 16]. Первое из рассматриваемых интервью строго структурировано и включает тематические блоки: «Война», «Дудаев и Ельцин», «Выбор», «Нефть и суверенитет», «Медведев и Чечня», «Прощение», «Шахиды», «Политковская», «Березовский», «Казино», «Пороки», «Многоженство», «Путин». Несмотря на четкую регламентацию композиционно-тематической линии, диалог является эмоционально открытым, что достигается посредством минимальной дистанции, установившейся между журналистом и респондентом. И. Свиаренко обращается к Р.А. Кадырову по имени и использует при этом обращение на «ты». Вероятно, этот фактор, а также построение вопросов дают возможность герою интервью отвечать максимально развернуто, что является ценным для формирования журналистом портрета лидера Чеченской Республики.

В интервью П. Шеремета, напротив, между интервьюером и его собеседником ощущается дистанция, о чем свидетельствует обращение на «вы». Однако

в обоих случаях журналисты прибегают к идентичным вопросным конструкциям, отличающимся своим разнообразием: тезис — вопрос, основной вопрос — уточняющий вопрос, вопрос — тезис, скрытый вопрос («Газеты — и русские, и западные — часто пишут о нарушении прав человека в Чечне. О том, что у вас нет оппозиции. Что можно ответить на обвинения прессы по существу? На критику?» [6. С. 6]; «Вокруг вас очень много молодых людей. Вам так удобнее из-за вашего возраста или вы играете на амбициях молодых людей, которые рвутся в бой?» [9. С. 16]; «И тем не менее во время первой кампании каким виделось будущее Чечни? Ну, не знаю... создание халифата?» [6. С. 6]; «А почему в Чечне все началось? Я про то, что в Грозном сегодня называют „агрессией сил мирового терроризма против России“» [6. С. 6], «Ваши соседи, президенты Дагестана, Ингушетии, они вам завидуют? Ведь вы находитесь в привилегированном положении и с финансовой точки зрения, и с политической» [9. С. 16]; «А еще у нас часто говорят о том, что в 1994 году Дудаев пытался дозвониться до Ельцина и договориться. Если б это удалось, войны бы не было» [6. С. 6], «Но очевидно, что главной мишенью для боевиков и террористов являетесь именно вы» [9. С. 16] (данная фраза входит в состав реплики журналиста, строящуюся по принципу «тезис — вопрос», однако вторая часть «тезиса» имеет вопросительную интонацию)).

Такая схема задаваемых вопросов, в которых, как видим, доминирует политическая компонента, а также поведенческая стратегия журналиста, углубляющегося в суть вопроса (это выражается конструкциями, продолжающимися после ответа респондента выбранную тему: «То есть...», «Ладно. И тем не менее...», «Так что...», «И на ком же...» [6. С. 6], «Поэтому и вы...», «Поэтому вы...» [9. С. 16]; И. Свиначенко, например, даже описывает свое действие: «Буданов, — подкидываю я слово-бомбу, чтоб уж сразу о главном...» [6. С. 6]), способствует включению в ответы героя и другие тематические элементы, которые, с точки зрения респондента, являются важными в раскрытии поставленных ему вопросов. Среди них реализуется выделяемая нами этнокультурная проблематика, выражающая связь Р.А. Кадырова с представляемым им чеченским народом. Заметим при этом, что, рассматривая проблему репрезентации национальной культуры посредством преломления ее через жанр интервью, мы имеем дело не просто с текстом опубликованного материала, мы акцентируем в данном случае текст как речь, слово (и журналиста, и, что вызывает наибольший интерес, респондента), представляющее собой аксиологический и семиотический феномен. В этом отношении в интервью текст, т.е. речь респондента как автора произнесенного слова, может быть рассмотрена с точки зрения герменевтического опыта. С одной стороны, этот текст напрямую привязан к жанру, несет нагрузку обсуждаемого круга вопросов, что соотносит его с определенным временным периодом; текст в данном случае мыслится подчиненным журналистскому вектору. С другой стороны, текст в понимании его как авторской речи героя интервью есть отражение духовной жизни респондента, что выводит нас на философское осмысление позиции автора речи — героя интервью. В большинстве ответов Р.А. Кадырова представлено глубинное слияние со своим народом: на вопросы он отвечает, часто употребляя личное местоимение во множественном числе.

И, если в интервью 2009 года «Вайнах и мир» понятийная связка «политик — народ» преимущественно дифференцируется («Мы (Р.А. Кадыров и его отец А.А. Кадыров — *А.Г., Е.Р.*) в первой кампании были с народом и во второй кампании были с народом», «я всегда был с народом», «во имя народа» [6. С. 6]), то уже в 2010 году эта связка наполняется дополнительным содержанием: в ответах Р.А. Кадырова наблюдается прямая аналогия «я = мы (народ)» («мы будем защищать Россию везде и всюду», «Детям показывать, что мы граждане России, мы любим свою страну, мы ее уважаем, мы жизнь отдадим за целостность России», «Это сделали враги нашего народа...», «нам дан человек, который остановил войну и дал нам возможность восстановить республику» [9. С. 16]). Можно говорить о своего рода эволюции гражданской позиции Р.А. Кадырова, сумевшего на основе национальной идентичности соединить личное, политическое и общественное. Во многом значение такой идентичности в обозначенном процессе обусловлено тем, что взаимосвязь между индивидом и нацией может быть осуществлена только на национально-культурной основе, формирующей национальную картину мира, конструктами которой выступают единая национальная философия, мировоззрение, историческая память, система ценностей. Политический компонент в данном случае — факт статусной принадлежности представителя народа, выражающего национальные идеалы. Поэтому диалог между журналистом и респондентом строится, как мы говорили, на политической доминанте.

Ярким примером может служить фрагмент из интервью «Вайнах и мир». Национальная идентичность, акцентированная Р.А. Кадыровым, проявляется в контексте вопроса военно-политической направленности: «Рамзан! А почему именно в Чечне все началось? Я про то, что в Грозном сегодня называют „агрессией сил мирового терроризма против России“». Респондент, отвечая, почему центром военных действий в период 1990-х годов стала Чеченская Республика, подчеркивает национальные свойства чеченского народа: «...мы... сильные, мужественные, духовные во всех отношениях» [6. С. 6]. Примечательно и то, что национальная идентичность, в сущности основанная на выделении, особенности, в ответе героя интервью оттеняется идеей толерантности. Он продолжает: «Это не в обиду другим национальностям. Мы — такие» [6. С. 6].

В данном случае мы имеем дело не столько с отражением в журналистском тексте позитивной национальной идентичности, сколько с репрезентацией чеченской культуры. Произносящий эти слова предполагает определенное знание о своем народе, уникальные особенности культуры, которые он, отвечая на вопрос общественно-политического характера, кодирует в сжатом смысловом речевом отрезке. Эпитеты, употребленные респондентом, имеют глубокое национально-культурное содержание, тесно увязанное с влиянием семейных традиций на воспитание детей. Как отмечает Н.В. Доронина в одной из своих научных статей, «мальчиков стараются заинтересовать традиционно мужскими работами, их растят физически выносливыми и стойкими» [3. С. 89]. Такой подход к воспитанию обусловлен исторически: мужчину с детства готовили быть защитником родины, села, семьи [3. С. 89]. Научное обоснование морально-этических качеств чеченского народа

расшифровывает выдвигаемый в интервью тезис лидера Чеченской Республики о силе и мужестве. Так же он говорит о духовности. Его замечание «духовные во всех отношениях» (курсив наш — А.Г., Е.Р.) позволяет нам сделать вывод о том, что респондент имеет в виду как нравственные регуляции поведения народа в их прямом взаимодействии с обычаями и традициями, так и прочную религиозную основу.

Последний аспект более обстоятельно представлен в интервью Р.А. Кадырова П. Шеремету, где журналист проблеме религии отводит особое место в политически насыщенной системе вопросов. Эта тема имеет оттенок политизированности, поднимается в контексте злободневных проблем общественной жизни страны. Не случайно журналист вводит данный аспект в логику предыдущих («Если бы ваш отец был жив и продолжал руководить Чечней, чем бы вы занимались?.. Поэтому и вы такой же строгий с подчиненными? О вашем жестком стиле много говорят... Вокруг вас очень много молодых людей. Вам так удобнее из-за вашего возраста или вы играете на амбициях молодых людей, которые рвутся в бой?») [9. С. 16]) и последующих вопросов («Десять лет назад главным человеком в Чечне был человек с автоматом. Как вам удастся заставить чеченцев положить автоматы и ходить везде без оружия?.. А вы не боитесь рецидива, что чеченская молодежь вновь начнет романтизировать боевиков, борцов за свободную Ичкерию?.. Главный проспект Грозного назвали именем Путина. Человеку из Москвы это кажется явным перебором. А вас не подозревают в неискренности?») [9. С. 16]).

О политическом ракурсе постановки религиозной проблемы свидетельствуют и слова Р.А. Кадырова, первая часть ответа которого посвящена вопросу борьбы с ваххабизмом. Затем, однако, респондент в структуре того же ответа предлагает посмотреть на проблемы под другим углом, поэтому акцентирует традиционный ислам: «И я бы посоветовал нашим соседям не давить мусульман, а, наоборот, давать возможность показать истинную, правильную религию. Тогда мы сможем выиграть войну» [9. С. 16]. Такой поворот в ответе Р.А. Кадырова выводит журналиста на следующий вопрос, который по своему построению является логическим продолжением ответа: «Поэтому вы построили самую большую мечеть в Европе?». Введение в вопрос слова «мечеть», которое в данном случае может мыслиться как знак, символ «эстетико-мировоззренческой модели социума в динамике историко-культурного процесса» [7. С. 367], позволяет респонденту говорить об исламе уже с акцентом на религию, а не на политику. Он отвечает на вопрос: «Моя мечта — построить самую большую мечеть в мире. Я слуга Всевышнего, я раб Всевышнего, поэтому я всю свою жизнь посвящаю исламу. Я хочу всему миру доказать, что ислам не призывает к войне. Мусульманин должен быть самым правильным» [9. С. 16]. Ответ респондента насыщен идейно, каждая реплика заключает в себе определенное знаковое содержание.

«Моя мечта — построить самую большую мечеть в мире» — в этой фразе смысловое ударение подает на слово «мечеть», что обуславливает доминанту архитектурно-пространственного символа, выражающего фундаментальные основы ислама, его архетипическое значение. Важно добавить, что традиционно в ислам-

ской культуре исключен компонент изобразительности, поэтому основным коммуникативным источником выступает слово: коранические суры, составляющие орнамент мусульманской архитектуры, как справедливо замечает специалист в этой области О.В. Тарасенко, имеют не только декоративную, но и гносеологическую функцию, что проявляется и на семантическом уровне [7. С. 370]. Следовательно, эта часть ответа Р.А. Кадырова содержит высокую степень проявления религиозности респондента, что находит свое продолжение в последующей части его ответа.

«Я слуга Всевышнего, я раб Всевышнего, поэтому я всю свою жизнь посвящаю исламу. Я хочу всему миру доказать, что ислам не призывает к войне» — знаковое содержание данного фрагмента заключается в том, что посредством религиозной идентификации осуществляется переход к вопросу о сущности ислама как миролюбивой религии. Рассматриваемая часть ответа экспрессивно насыщена. На это указывают употребляемые респондентом слова «слуга», «раб», указывающие опять-таки на высокую степень религиозности говорящего. В речевом компоненте «я хочу всему миру доказать» заключено стремление Р.А. Кадырова не только дать основу для понимания ислама, но и устранить стереотипность в восприятии чеченского народа как представителей исламской религии.

«Мусульманин должен быть самым правильным» — третья часть ответа, продолжающая предыдущую озвученную Р.А. Кадыровым мысль, отличается адресностью: как представитель народа он дает установку на соблюдение нравственно-этического кода истинного мусульманина, чтобы понимание религии не было искаженным. С той же целью в интервью И. Свиаренко о ваххабизме он говорит: «Человек не может себя убить! Ислам запрещает» [6. С. 6]. В ответе респондента через его собственную позицию выявляется идеология, распространенная в чеченском обществе, исповедующем ислам, что можно классифицировать как ценностно-ориентированный культурный компонент, отраженный в речи представителя народа, чему способствуют жанровые ресурсы интервью.

Таким образом, жанровая разновидность интервью-портрета дает особую основу для репрезентации этнокультуры, которую составляют:

— структура диалога, предусматривающая логику разговора, последовательное развитие его основной темы;

— система вопросов, заключающая в себе тематические микроэлементы, которые являются предпосылкой для более глубокого ответа респондента;

— комплекс рефлексий, выражающийся в поведенческих особенностях журналиста и респондента, что позволяет увидеть идеологические акценты обеих сторон;

— осмысление текста как живой речи, непосредственно репрезентирующей отдельные составляющие национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Антонова В.И. Информационные жанры газетной публицистики: Учеб. пособие. — Саранск: Изд-во Мордовского университета, 1996. — 64 с.
- [2] Грабельников А.А. Работа журналиста в прессе: Учеб. пособие. — М.: РИП-холдинг, 2002. — 274 с.

- [3] *Доронина Н.В.* Семейные традиции и обычаи народов Северного Кавказа и их влияние на воспитание подрастающего поколения // Диалог культур как фактор безопасности цивилизационного процесса: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (21—22 сентября 2012 г.). — Пятигорск: ПГЛУ, 2012. — С. 86—92.
- [4] *Лукина М.М.* Технология интервью: Учеб. пособие. — М.: Аспект Пресс, 2003. — 191 с.
- [5] *Прохоров Е.П.* Введение в теорию журналистики: Учебник. — М.: Аспект Пресс, 2009. — 351 с.
- [6] *Свинаренко И.* Вайнах и мир // Российская газета. — 07.04.2009. — С. 6.
- [7] *Тарасенко О.В.* Диалог культур в архитектурно-пространственной символике // Диалог культур как фактор безопасности цивилизационного процесса: материалы Всероссийской научно-практической конференции (21—22 сентября 2012 г.). — Пятигорск: ПГЛУ, 2012. — С. 366—374.
- [8] *Тертычный А.А.* Жанры периодической печати: Учеб. пособие. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 312 с.
- [9] *Шеремет П.* «Я слуга Всевышнего, я раб Всевышнего» // Огонек. — 2010. — № 35. — С. 16.

LITERATURA

- [1] *Antonova V.I.* Informacionnye zhanry gazetnoj publicistiky: Ucheb. posobie. — Saransk: Izd-vo Mordovskogo universiteta, 1996. — 64 s.
- [2] *Grabel'nikov A.A.* Rabota zhurnalista v presse: ucheb. posobie. — M.: RIP-holding, 2002. — 274 s.
- [3] *Doronina N.V.* Semejnye tradicii i obychai narodov Severnogo Kavkaza i ih vlijanie na vospitanie podrastajushhego pokolenija // Dialog kul'tur kak faktor bezopasnosti civilizacionnogo processa: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (21—22 sentjabrja 2012 g.). — Pjatigorsk: PGLU, 2012. — S. 86—92.
- [4] *Lukina M.M.* Tehnologija interv'ju: ucheb. posobie. — M.: Aspekt Press, 2003. — 191 s.
- [5] *Prohorov E.P.* Vvedenie v teoriju zhurnalistiki: ucheb. posobie. — M.: Aspekt Press, 2009. — 351 s.
- [6] *Svinarenko I.* Vajnah i mir // Rossijskaja gazeta. — 07.04.2009. — S. 6.
- [7] *Tarassenko O.V.* Dialog kul'tur v arhitekturno-prostranstvennoj simbolike // Dialog kul'tur kak faktor bezopasnosti civilizacionnogo processa: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (21—22 sentjabrja 2012 g.). — Pjatigorsk: PGLU, 2012. — S. 366—374.
- [8] *Tertychnyj A.A.* Zhanry periodicheskoj pechati: ucheb. posobie. — M.: Aspekt Press, 2000. — 312 s.
- [9] *Sheremet P.* «Ja sluga Vsevyshnego, ja rab Vsevyshnego» // Ogonek. — 2010. — № 35. — S. 16.

REPRESENTATION OF NATIONAL CULTURAL PROPERTY OF THE NORTH CAUCASUS IN THE PRESS: GENRE ASPECT

A.A. Grabelnikov, E.K. Reva

Peoples Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaja str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

In the article the interview genre resources in discovering methods of representation of national Chechen culture, emphasizing the image of the respondent as a carrier of cultural values of it's people.

Key words: journalism, a genre interview, national culture, the image of the respondent.